

— Не жалеете о «детском периоде», не считаете его потерей времени?

— Наоборот, считаю, что каждому счастье дается впрок. И вот рассасываешь радость потом долго за щекой. Это было счастье. Профессиональное. Человеческое. Это был мой дом. Семья. С пятидесяти седьмого по семидесятый. Вот и считайте, сколько зим и лет я была «ребенком».

— ТЮЗ — это не только мальчики и девочки, еще зайчики, лисички...

— Лягушку играла, Пьеро, пушкинского Бесенка, Мышку в «Трех кленах». Даже Волну в сказках Пушкина. Чуть не забыла о прекрасной роли... Окна. Для меня был специально поставлен танец. Незабываема реакция зрителей, когда меня протирали. Я открывала глаза, счастливо глядя на мир. В зале возникал хохот. Можно сыграть и умытое Окно так, что в зале будет радость.

— Детей обмануть трудно. Это публика повышенной трудности.

— Дети трудные, когда им скучно. Там один закон: если шумят, фыркают, шуршат, швыряют фантиками — значит, скучно. Режиссер обязан заинтересовать. Не пригибаясь, не приседая на корточки, а поднимая зрителей до своего уровня. Трудная публика, но самая благодарная, справедливая. Взрослые журчат животами: купив дорогой билет, будут смотреть что угодно. В крайнем случае — скучать, жевать, дремать... А эти устроят бунт. Значит, зал спектакль отторгает.

— Смотрю на длинный список ваших работ, и возникает неожиданное ощущение, что в этих ролях-крошках использовано процентов пятнадцать актерского потенциала. Может, ошибаюсь и есть роли, которые я не видела?

— Популярность, которую дают ТВ и кино, не всегда равна таланту. И когда понимаешь, какое количество потрясающих актеров зритель так и не узнал... Я перестаю анализировать, что потеряла. Спасибо, что так.

— Какие роли выходят за пределы восприятия Ольги Волковой как актрисы комедийного эпизода?

— Что говорить о том, чего зритель не видел? Была замечательная пьеса Радия Погодина «Радуга зимой» — про девочку, которая отогревает ладонями замерзающие деревья. Ее отличало моторное чувство радости жизни, когда некогда анализировать, как живешь, — вот помог кому-то, и хорошо. Еще был спектакль Жени Шиферса по пьесе Гибсона «Сотворившая чудо». Я играла шестилетнюю глухослепому девочку. Обе истории не про детей. Про всех нас. Я играла свою личную историю. Ведь это я в Радугу перевоплощалась до тридцати лет. В центре «Сотворившей чудо» — потрясающая личность, о которой Марк Твен говорил: «Мне повезло: я жил в эпоху Элен Келлер и Наполеона». Учительница, с которой они бок о бок прожили лет пятьдесят, научила ее говорить и читать по специальным книгам. Элен дожила до 90 лет и писала трактаты, преподавала высшую математику, мертвые языки. А еще ездила на велосипеде и плавала. Я читала ее потрясающие дневники. Изумительный трактат об осязании. Это была история не про патологию. Про то, как трудно с талант-

Сейчас уже мало кто помнит, что Ольга Волкова была трагестийной актрисой. В студии при Ленинградском ТЮЗе, потом в самом ТЮЗе под руководством Зиновия Корогодского.

Играть детей трудно, нужен не только талант — особая органика. Неслучайно говорят: переиграть детей и собак — невозможно...

В фильме «Тоталитарный роман»

Ольга ВОЛКОВА:

Кино снимают сытые люди

Трагикомедия в одном лице

В фильме «Колечко золотое, букет из алых роз»

ливыми людьми, которые всегда неадекватны, которых надо дисциплинировать, не разрушая талант.

— Вы рассказываете о серьезных спектаклях, которыми славился театр Корогодского. Однако в прошлом само слово ТЮЗ ассоциировалось с детсадовскими утренниками и замшелыми сказками.

— ТЮЗ Корогодского всегда был исключением. Театр, одухотворявший несколько поколений. В театр приходили папа, мама, 15-летний и восьмилетний ребенок. Культивировалось понятие «театр — семья», чтобы тема для разговора была. Сейчас в семье не остается общих разговоров, только зуботычины. Телевизор включается, как сирена «скорой помощи», — заткнуть дыру вакуума. А ребенок, чтобы не мешал, пятками загоняется к себе, в наушниках. Фатальная раздельность.

— Вам удалось поработать и с Георгием Александровичем Товстоноговым.

— С ним я сделала Глафиру Плутову в «На всякого мудреца...», сыграла в «Смерти Тарелкина», «Мачехе Саманишвили», «Пиквикском клубе».

— И первая кинороль...

— Какая там роль, сначала снималась в массовках, «в окружении». Вот способ радостно заработать деньги... шесть пятьдесят. Едешь с группой в Саратов. Отпускаешь оставшиеся дома. На сцене питаешься, заработанную толику денег припрятываешь на завтра. Плюс тренинг, возможность себя сдерживать. С моими рефлексиями, пляшущим лицом это особенно важно. Люблю прописывать и, как по канве, вышивать персонаж: костюм, детали, биографию. Потом Жень Шиферс снимал вместе с режиссером Ивановым фильм «Первороссияне» по Ольге Берггольц. Фильм необыкновенный, жаль, долго лежал на полке. Я сыграла небольшую роль юридической. Затем снова эпизодики, мас-

совка. Попала случайно в «Летучую мышь» Яна Фрида. Еще эпизод на титрах «В моей смерти прошу винить Клаву К.». Я собирала зарисовки из жизни и одушевляла ими мертвые эпизоды. Пыталась на пне прорастить что-то живое. Пошел слух: если роль-плевок, кликните Волкову, она подотрет и цветочки посадит.

— Эпизодов сыграно море. Когда называют «мастером эпизода», не обидно?

— Это очень выгодно, ведь эпизоды запоминаются часто. А большие роли в плохих фильмах — нет. Хотя я бы не отказалась и от большой роли. Эпизод, подобно миниатюре в живописи, — сложный жанр. Прописать в малом пространстве объем, атмосферу, воздух и детали, как китайцы на рисовом зернышке или в скорлупе голубинного яйца...

— Но неужели режиссерам не приходило в голову предложить Ольге Волковой большую роль?

— Думаю, это было не просто. Нужен материал какой-то особенный. И потом, в «Небесах обетованных» была большая роль.

— Удивляет и то, сколько часто предлагают вам роли юродивых, не от мира сего...

— Экран клеит штампы в сознании кинематографи-

стов. Что сверху лежит, то и берут. Пожалуй, лишь Рязанов поворачивал актеров разными боками, как пирожки на сковородке.

Но даже Рязанов, снявший актрису в шести фильмах, не стремился открыть неизвестную Волкову, эксплуатируя ее способность к острому гротеску, перевоплощению. Случай — немаловажная составляющая актерской судьбы.

Кто знает, как сложилась бы карьера Ольги Волковой, не сорвись ее роль Шута в козинцевском «Короле Лире». Были пробы, репетиция с режиссером... Говорят, помешала «слишком женственная линия верхней губы». К несомненным удачам «другой» Волковой можно отнести и спектакль «Шилок» про вдову и домового, сыгранный с Вячеславом Полунинным.

— По моему ощущению, вы — трагикомическая актриса, обидно, что никто не предлагает подобного материала. Не маленькой роли. Роли «маленького человека». Предлагаю Акакия Акакиевича в вашем исполнении.

— Спасибо. Может, дождусь? Помню, в 80-е нашел меня приятель, приехавший из Америки: пойдём, в кафе посидим. Первое, что сделала, — крепко поела. Чтоб блудливый глаз не выдал голодного свечения: на икру, коньячок.

«Нет-нет, чашка кофе и все». Приделась в то, что казалось приличным. А он, увидев меня, сказал недоуменно: «Боже мой, у тебя вид средней русской женщины». В общем, огорчился. А я — нет, потому что знаю все про среднюю русскую женщину. Которая вынимает мясо из супа и делает «второе». Выворачивая мозги наизнанку, создает дома уют из ничего. Изгаляется, чтобы не выглядеть бедно. Чувство достоинства, душевного здоровья извбавляет ее от психопатии нужды. Я знаю, как ее сыпать. Но — не написан сценарий. Потому что кино снимают сытые, благополучные люди.

— В Москве вы уже восьмой год. Столица не разочаровала, не развела надежд?

— Москва — дамочка истеричная. Статистический москвич перманентно напуган, кричит: «Денег нет». В губерниях люди уже лет 15 назад поняли, что крах пережит, научились как-то выходить из положения... Без машин, дач. Здесь же — то все лечатся по Волкову, то разделяют питаются, то страдают, что ледники тают. В провинции не смотрят какавые 15 минут «Вести» в ожидании обвала курса доллара, потому что его нет.

— Все-таки разочаровала столица...

— Боже упаси, обожаю. Это мой город по ритму. Даже из молодежи кое-кто от меня отстает. Это режиссер Трушкин протянул мне руку... Такой прыжок в никуда. Сняла квартиру. Поташила всю семью, вплоть до кошки. Мне было 58 лет. Зато работы в Москве много. Три года проработала у Трушкина, играла в мюзикле, в «Недосягаемой» Мозма, в «Поэме эмигранта». В «Чествовании», представьте, с моим лицом была возлюбленной Ширвиндта. И это после старушек, в которых я перевоплощалась с 30 лет. Еще был «Железный класс» в антрепризе Робермана с Юрским и Волковым. Последние три года счастливо работаю в антрепризе Вадима Дубровицкого. Одна из ролей в спектакле по пьесе Фридберга «Дура, это любовь».

— Антреприза вас не огорчает?

— Господь с вами. На антрепризу были спущены все собаки, и поначалу она больше напоминала чес. Но сейчас... Я не видела, чтобы актеры за два часа приходили в театр, входили в текст, атмосферу. Уровень ответственности невероятный. Сыграем плохо — завтра спектакль никому будет не нужен.

— Из последних ролей в кино вспоминается замечательная, хоть и небольшая работа в искрометной пластической комедии Овчарова «Сказ про Федота-кузнеца». Не рутинная Баба-Яга, а мудреная, научкой увлеченная. Сегодня Ольгу Волкову кино привлекает?

— У кино Овчарова исключительное качество, оно опережает нынешний кинематограф лет на десять. Это завораживающая тайнопись подлинного искусства. А у меня все по-прежнему. Сыграла крошечный эпизод в фильме «Дура». Чуть больше — эпизод у Лены Райской в картине «Нервный брак», где я — мать и бабушка. Запускаюсь у Исаака Фридберга в фильме «Казино». Но что-то паузы затягиваются...

● Лариса МАЛЮКОВА, обозреватель «Новой»